

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
АШИРЫ ХААН

**Одноклассники
бывшими не бывают**

Не такая, не такой

Развод и другие радости

Солнечная кошка

Незавидный холостяк

АШИРА ХААН

НЕЗАВИДНЫЙ
ХОЛОСТЯК

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х12

Редактор серии *Е. Дмитриева*

Иллюстрация на переплете *Mila Read*

Хаан, Ашира.

Х12 Незавидный холостяк : роман / Ашира Хаан. —
Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-199492-1

Кирилл — гений, миллиардер, плейбой, филантроп, гедонист, красавчик, владелец круизного судна и гаража суперкаров, ведущий шоу «Остров для двух сердец». Он имеет право проводить брачные церемонии в онлайн играх, нескольких странах, как капитан корабля и как священник одной из маленьких религий и просто так — на своем собственном острове.

А это — Варвара. Просто Варвара. О ней совершенно нечего сказать. Единственное яркое событие в ее жизни случилось совсем недавно.

Она хочет простого семейного счастья и спокойной жизни. Он ни к чему не относится серьезно. Что же нам с ними делать?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хаан А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199492-1

ПРОЛОГ

Сегодня меня бросили прямо у свадебного алтаря.
Точнее — у самых дверей загса.

— Знаешь, Варь, — сказал несостоявшийся муж. —
Я передумал жениться.

Все началось с того, что он безбожно опаздывал.
Я нервно крутила телефон, высматривая пробки на
окрестных дорогах, мама цокала каблуками туда-сюда
по мраморному полу, бабушка вспоминала все извест-
ные ей анекдоты про сбежавших невест и женихов.

Еще я злилась.

Костя всегда опаздывал.

Вовремя он пришел один раз в жизни — на наше
первое свидание. Сразу с цветами и в галстук, пора-
зив меня этим до глубины души. Поэтому, когда на сле-
дующее он опоздал на полчаса и пришел с бутылкой
пива в руке, я легко поверила в то, что это случайность.
И потом каждый раз верила в отмазки про захлопнув-
шуюся дверь, три подряд сломанных автобуса, внезап-
ный пожар, вывихнутую ногу, внеурочно приехавшую
тетю, умерший телефон. Ведь если в первый раз он
был приличным и не опоздал, а потом испортился —
может быть, это я виновата? Это я его испортила?

Сорок минут опоздания на собственную свадьбу —
это точно случайность! Еще с утра мы с ним мило вор-

ковали по телефону — он у себя дома, я у мамы, — и он рассказывал, как ему не терпится увидеть меня в свадебном платье, которое я по традиции заранее не показывала; жаловался, что никак не получается выгладить рубашку так же хорошо, как это делаю я; выбирал между черным в полоску галстуком и вышитым серебристым. Потом меня захватила предсвадебная подготовка: прическа, макияж, последние созвоны с фотографом, рестораном, водителями...

Я только уже у самого загса написала ему: «Ты едешь?»

Ответа не получила.

Но вот, спустя почти час нервов, сотню капель валокордина и десяток неотвеченных звонков, Костя наконец появился на пороге. Наша очередь как раз подходила, и я не стала выяснять, что его так задержало. Двери зала для торжественных церемоний распахнулись, оркестр грянул Мендельсона, мама сунула мне круглый букет белых роз, перевитый лентами, я протянула своему жениху руку и сказала:

— Пойдем.

А он...

Наверное, очень немногие люди могут похвастаться таким опытом, как у меня.

Свадьбы, бывает, играют по несколько раз в жизни. Иногда два или три раза с одним и тем же человеком.

Детей рожают не одного.

Даже Нобелевскую премию некоторые получают по два раза, хотя это прямо запрещено, но если в разных категориях — то можно.

А вот быть брошенной у алтаря — такое только в кино показывают.

Редкий опыт. Почти уникальный.

Обычно трусливые женихи и ветреные невесты сбегают намного раньше.

После слов Кости «Я передумал жениться» я... оглохла.

Я серьезно не слышала, что он дальше говорил.

Все было как в немом кино: он открывал рот, моргал, размахивал телефоном, зажатым в руке, а у меня в ушах стоял только шум прибора.

Шшуххх, шшшуххх...

Волны бились о скалы в тысяче километров отсюда.

И я сама находилась в тысяче километров от этого зала.

От мамы, которая некрасиво кривила ярко накрашенные губы, выговаривая что-то Косте; от брата, который сжимал горлышко пластиковой бутылки, как будто это шея моего неслучившегося мужа; от тети, которая бегала вокруг нас и махала руками, разгоняя любопытствующих гостей, словно голубей на площади Сан-Марко.

От бабушки. Очень бледной бабушки, которая вдруг начала оседать на землю, беспомощно цепляясь слабыми пальцами за рукава стоящих рядом людей. Брат отшвырнул бутылку, бросаясь к ней на помощь, мама ахнула и застыла с широко открытым ртом, тетя медленно повернулась, в ужасе глядя на нас. На Костю сразу перестали обращать внимание, и он, нервно дергая с шеи галстук, быстро вышел из загса и сел в ожидающее его такси.

Мой племянник записал все это на видео. Прислал мне файл на следующее утро. Маленький жестокий ублюдок. Люблю его.

Я могла бы рассмотреть свой самый ужасный час в жизни в мельчайших подробностях. Даже услышать, что говорил Костя, — узнать ту причину, по которой он передумал. Но я запретила всем говорить мне об этом.

Я пока не готова узнать.

Пусть видео лежит в облаке и ждет момента, когда я смогу его посмотреть.

Когда-нибудь.

Подготовка похорон бабушки заняла все свободное время. Некогда было даже поплакать. Я ехала с ней в «Скорой» прямо в свадебном платье. И в нем же сидела на банкетке в холодном коридоре, обнимая маму изо всех сил. Кто-то подобрал мой букет и приволок его домой, когда мы вернулись из больницы, где уже некого было ждать. Я вспомнила, что бабушке он очень нравился, и положила его к ней в гроб.

После поминок мы с мамой стояли у подъезда дома и смотрели на десять коробок с моими вещами, которые только что выгрузили из «Газели» к нашим ногам. Вся моя жизнь с Костей, последние три года. Куда их теперь?

Куда мне теперь? Я ведь в его квартиру купила занавеску для душа со «Звездной ночью» Ван Гога, и там на кухонном подоконнике стоит горшочек с авокадо, выращенным из семечка моими собственными руками. Там был мой дом. А теперь его нигде нет.

— Забирай себе бабушкину квартиру, Варь, — сказала мама.

— Почему? — удивилась я. — Ты можешь ее сдавать.

— Я там выросла. Не смогу выбросить ни единой салфетки и убью чужих людей, если они поцарапают пианино, на котором я училась играть. А тебе надо где-то жить.

Так я и оказалась в двухкомнатной квартире на окраине Москвы, под самый потолок забитой хламом, который бабушка собирала всю свою жизнь. Чтобы как-то там обустроиться, нужно было выбросить как минимум половину. А как выбросишь вышитые вручную льняные скатерти — хоть и пожелтевшие, но красивые до умопомрачения? Как рука поднимется избавиться от сервиза «Мадонна» — голубой мечты всех семей еще каких-то тридцать-сорок лет назад?

НЕЗАВИДНЫЙ ХОЛОСТЯК

И как, как можно избавиться от огромной радиолы пятидесятых годов — с проигрывателем и радиолы, ловящим зарубежные станции? Она стояла у бабушки в красном углу вместо икон, накрытая самой красивой вязаной салфеткой. А сверху громоздилась до потолка стопка древних пластинок — еще на семьдесят восемь оборотов.

По их вине и случилось самое странное знакомство в моей жизни...

Кое-что старое

Бабушкина квартира была похожа на все подобные квартиры — на сайтах поиска жилья их презрительно называют «бабушатниками» и считают, что подобную рухлядь надо отдавать даром и еще приплачивать жильцам.

Когда мы с Костей искали, что снять на двоих, так чтобы было близко и к его, и к моей работе, он сразу презрительно кривился, заведя восточный ковер, и пролистывал даже самые удобные варианты.

А мне нравилось, хоть я и стеснялась признаться. Наверное, потому что я всегда любила приходить к бабушке в гости, в ее уютный дом, всегда пахнущий вкусной едой и старомодными духами.

Время в этой квартире словно остановилось где-то в восьмидесятые годы — устроилось в кресле напротив телевизора «Рубин», укрылось вязаным пледом и уснуло, сладко посапывая.

Мы с мамой подарили бабушке новый современный телевизор — даже два! — один в начале двухтысячных, с плоским экраном и сотней каналов, другой — широкоформатный, высокого разрешения и с подключенной спутниковой антенной. Она очень любила смотреть National Geographic и ретрофильмы, но старый ламповый агрегат так и не выбросила.

Ковры в квартире тоже обитали. На стенах — яркие, с восточными узорами; на полу — поскромнее, вытертые и блеклые. И вязаные дорожки в прихожей и узком коридоре между комнатой и кухней.

В маленькой комнате помещалась только высокая кровать со стопкой подушек, заботливо укрытых кружевными салфетками, трехстворчатый гардероб, запертый на ключ, и древняя швейная машинка с ножным приводом, служащая чем-то вроде туалетного столика. На ней были выставлены коробочки с лекарствами, лежали два тонометра — ручной и автоматический — и зеленая школьная тетрадка еще «тех» времен ценой в три копейки с гимном Советского Союза на обороте. В нее бабушка корявым старческим почерком записывала три раза в день показатели давления и отмечала погоду и самочувствие.

В большой комнате господствовала «стенка» — светлая, с застекленными шкапами; я помнила, как бабушка хвасталась, что удалось «достать» по знакомству такую красивую, полированную. Там же стояло то самое пианино, за которое мама готова была убить, и старый диван. Мы как-то заказали для него новые подушки, и бабушка долго жаловалась, что никак не привыкнет к их яркой расцветке. Будто кто-то чужой стал жить в ее доме.

Я ходила по квартире, как по музею, — на цыпочках, стараясь не шуметь, хотя тревожить было некого. Паркет поскрипывал под босыми ногами, и старая мебель скрипуче отзывалась на его жалобы. На кухне дребезжали стекла буфета при каждом шаге: здесь не было новомодных гарнитуров, только старая плита, простенькие полочки с посудой и высокий шкаф, в котором заботливо была сложена вся полезная техника, которую мы регулярно дарили бабушке с дедушкой. Электрические чайники, миксеры, терки с десятком насадок, пароварки, утюги, электромясорубка... Бабушка

всегда ахала, благодарила, но продолжала пользоваться пузатым чайником с яркими маками на боку и чугунными утятницами.

Подоконники и столы были уставлены пустыми стеклянными банками для варений и солений, и я знала, что еще больше банок, только наполненных вкусоностями, пряталось на антресолях, куда я даже заглядывать пока боялась.

Квартира была похожа на пещеру дракона, доверху забитую уже никому не нужными сокровищами. Для моих вещей тут места не было. Да и для меня пока тоже. Я слонялась из угла в угол и не знала, с чего начать.

Весь гардероб занимали яркие цветастые платья, которые бабушка шила себе каждый год, пока был жив дед. В ящиках томилось ни разу не надетое белье, выглаженные платки и длинные ночные рубашки. Как-то неловко даже убирать их отсюда и засовывать свои носочки с Пикачу, перекладывая их вкусно пахнущими кусками лавандового мыла.

Теперь я понимала маму. Разрушить этот застывший мир, обжить его, превратить в свой — нужно очень много сил. Прежде всего моральных.

Потому что это значит — надо навсегда попрощаться с бабушкой. А я не была готова...

Я вернулась в ее маленькую спальню, села на пружинную кровать. Рядом стоял стул, на котором валялась единственная во всей квартире неаккуратно брошенная вещь — зеленая вязаная кофта. Когда мы заезжали за бабушкой по пути в загс, она строго спросила у нас: холодно там или тепло? Мама заверила, что тепло, очень тепло на улице, ты запаришься!

Бабушка сняла кофту и бросила на стул, та свалилась, но мама поторапливала, и бабушка махнула рукой — потом повесит.

Я взяла эту кофту, глубоко вдохнула чуть резкий, отдающий нафталином запах духов и повалилась на кровать, уткнувшись лицом в колючую шерсть.

Слезы брызнули, разом прорвав плотину, — до сих пор я держалась. Держалась, когда мы уезжали в больницу, держалась, когда плакала мама, держалась, раздавая деньги похоронным агентам, гробовщикам, священнику, проводившему отпевание. Кроме меня, было некому.

А теперь словно кто-то разрешил, словно бабушка невесомо погладила по голове и сказала: «Поплачь, моя хорошая, поплачь». И я плакала — всхлипывала, икала, запихивала мокрую шерсть в рот, чтобы не орать, но сдавалась, и мой плач эхом разносился по опустевшей квартире.

Мама предлагала пока переночевать у нее, но я отказалась: там еще лежало мое свадебное платье, валялись туфли на каблуках, пахло лаком для волос и неслучившейся радостью. Думала, здесь мне будет полегче — хоть отвлекусь.

Но было только хуже. Здесь я почувствовала себя по-настоящему одинокой и рыдала не по жениху, не по бабушке, а по себе, своей старой жизни, которой больше не было.

Заснула я, сама не заметив как. Под громкое тиканье часов с поздравительной надписью «50 лет Победы!», окутанная самым теплым в мире запахом бабушки.

Кое-что синее

А наутро началась уже совсем другая жизнь.

Я приняла душ, лихо раздербанив подарочную упаковку с ванильным шампунем, заботливо хранимую на «лучшие годы», позавтракала быстрозаваренной овсян-

кой и оторвала от рулона первый мусорный пакет на шестьдесят литров.

Поехали!

Раз! Я открыла дверцы буфета и безжалостно сгребла оттуда все просроченные крупы, окаменевший сахар, консервы с истекшим сроком годности и дешевые сладости из сои, которыми бомжей жалко кормить.

Два! Выставила в подъезде на подоконник бесчисленные батареи пустых банок и крышек к ним. Туда же все справочники садовода, лунные посевные календари и стаканчики для проращивания семян. Пусть послужат тем, кому нужнее.

Три! Застиранное постельное белье, полотенца с пятнами, халаты без пуговиц, заштопанные кофты, потерявшие форму носки, ношеное белье – в мусор! Туда же гнутые вилки, сколотые тарелки, чашки со стершимися рисунками, старые кастрюли и покрытые гарью сковородки. Чугунную – оставила.

Четыре! Книги о руководящей роли партии, дешевые детективы и любовные романы, стопки журналов и газет – в топку! То есть буквально в топку: позвонила в дверь соседям и спросила, не нужна ли им растопка на дачу. Нужна. Отлично, пусть забирают.

Пять! Всю годную одежду упаковала в икеевские сумки и позвонила в пару благотворительных организаций, которые с радостью забрали и красивые платья, и новое белье, и платки – и особенно были рады обуви.

Шесть! Вывалила из шкафов стопки одеял и покрывал, отрезки тканей, сурового постельного белья, запасенного в советские годы, запасы ниток и шерсти, лупоглазых пупсов в упаковках и прочие крайне нужные вещи, которые никто не доставал десятилетиями.

И... села на пол среди этого добра, внезапно устав.

Прилив сил, который толкал меня с утра упаковывать, выбрасывать, разбирать и сортировать вещи, как-то угас.

Я проголодалась и опять вспомнила, что у меня на самом деле все плохо. Бабушка умерла, жених бросил, и в понедельник на работу, где любопытные коллеги будут расспрашивать про свадьбу, жалеть и переглядываться за спиной.

Но я это предвидела, и у меня был план.

Я заказала пиццу с ананасами и большой стакан капучино, устроилась на диване и принялась фотографировать вещи, которые собиралась выставить на «Авито».

Фарфоровые статуэтки, собрания сочинений, которые когда-то дедушка выкупал за макулатуру, старые пластинки, хрустальные салатницы и наборы посуды в бархатных коробках, винтажные духи и всю эту непригодившуюся мелкую технику.

Мне не столько деньги были нужны, сколько не хотелось выбрасывать вещи, которые могли бы еще кого-нибудь порадовать, поэтому ставила я самую символическую цену. Если кто-то выкупит, чтобы перепродать, — ну что ж... Все равно в итоге достанется человеку, который будет рад этой вещи.

Некоторые покупатели звонили сразу же и были готовы приехать немедленно, пока кто-то другой не забрал их самый ценный в мире электрический самовар. Встречу я назначала во дворе: номер квартиры называть опасалась, а к метро тащиться было лень. И как-то незаметно к вечеру избавилась от изрядного количества хлама. Правда, я еще антресоли не открывала. И верхние шкафы «стенки».

Со статуэткой фарфоровой балерины, примеряющей у зеркала украшение, было особенно тяжело расставаться. В детстве я смотрела на нее через стекло трюмо и не осмеливалась даже попросить поддержать, настолько она казалась хрупкой и нереальной.

Мальчик, вытаскивающий занозу, тоже был из любимых — он был покрепче, и я иногда играла в него, когда приходила к бабушке в гости.